

源氏物語

П О В Е С Т Ь
О
Г Э Н Д З И

序

ПРЕДИСЛОВИЕ

То, что составитель данной книги хотел бы передать своим внимательным читателям

«Повесть о Гэндзи» принято считать первым романом в истории литературы. Прекрасный образец литературы одновременно представляет собой энциклопедию жизни японского общества XI века и настольную книгу для историков. Описание одежды и приемов во дворцах, картины интерьеров в домах и природы вокруг — перечислять то, что есть на страницах «Повести», можно бесконечно.

У этого произведения есть еще одна сторона — изобразительная. С момента создания и до самого последнего времени «Повесть о Гэндзи» вдохновляет художников. Нам повезло получить от современного японского мастера Хироаки Мияяма и опубликовать на страницах этой книги работы, в которых искусство современной гравюры сочетается с древней традицией японской живописи.

«Повесть о Гэндзи» читается удивительно легко, кажется, что эта история любви и взаимоотношений людей могла произойти сто, пятьдесят лет назад. Почему так? Поэтические ли образы, наша ли фантазия дают это ощущение — не так важно. Главное, что мы можем наслаждаться «Повестью о Гэндзи», и для того, чтобы сделать это наиболее полно, мы предлагаем вам книгу об этом удивительном литературном памятнике.

Издание, которое вы держите в руках, начинается с рассказа о жизни японского высшего общества в XI веке и описания того мира, в котором появилась «Повесть о Гэндзи». Во второй части вы узнаете о предполагаемом авторе книги и ее жизни. Эти части написаны переводчицом японской литературы Татьяной Львовной Соколовой-Делюсиной¹. За перевод «Повести о Гэндзи» она получила Специальную премию Японского фонда 1993 года. А в 2008 году

¹ Полная статья была напечатана в книге «Повесть о Гэндзи», СПб.: Гиперион, 2010, адаптирована автором для данного издания.

была удостоена ордена Восходящего солнца с золотыми лучами и розеткой.

Третья часть книги посвящена темам природы в японском искусстве и традиции иллюстрирования «Повести» на протяжении веков. Автор – специалист по японскому искусству, сотрудник Государственного музея Востока Галина Шишкина.

Основная, четвертая, часть книги – фрагменты «Повести о Гэндзи» с гравюрами Хироаки Мияяма и комментариями к тексту и визуальному ряду.

В приложении мы публикуем рассказ самого художника о его творчестве и восприятии «Повести», а также воспоминания о художнике его друга, представляющего его работы во многих странах мира, галериста Андрея Мартынова.

Мир «Повести о Гэндзи»

События «Повести о Гэндзи» относятся к эпохе Хэйан (794–1185), то есть к тому времени, когда завершился процесс формирования национальных культурных традиций и была заложена основа дальнейшего развития японской культуры.

До X века в японском обществе доминировали китайские традиции, они играли ведущую роль в науках, искусстве, литературе. В это время закончился процесс их усвоения и переосмысления, возникли японские традиционные жанры в музыке, живописи и литературе, и к концу X века национальная культура достигла особенного расцвета.

В 794 году в провинции Ямасиро завершилось строительство новой столицы, получившей имя «Столица мира и спокойствия» – Хэйан. Город этот оставался японской столицей до конца XIX века, нам он известен под более поздним названием – Киото. Построенный по образцу китайской столицы Чанъани, Хэйан располагался в живописной долине, с трех сторон окруженной горами. С востока и запада долину омывали реки Камо и Кацура, то есть удобный речной путь связывал город с оживленной морской бухтой Нанива. На востоке простиралось красивейшее озеро Бива, мимо него пролегали дороги в восточные провинции.

Как и древний китайский Чанъань, город представлял собой прямоугольник, разделенный на отдельные кварталы улицами, которые шли с севера на юг и с запада на восток.

В северной части города находился окруженный стеной Большой императорский дворец *Дайдайри*, вокруг него располагались здания государственных учреждений, основным среди которых был комплекс *Тёдоин* (Обиталище восьми ведомств). К императорскому дворцу примыкали усадьбы аристократических семейств.

Усадьба аристократа состояла из нескольких строений, окруженных глинобитной стеной. В центре было главное здание, всегда ориентированное на юг. Крытыми галереями и переходами оно соединялось с восточным, западным и северным флигелями. От восточного и западного флигелей к пруду шли галереи, завершавшиеся двумя павильонами – Над источником (*Идзумидоно*) и Для рыбной ловли (*Цуридоно*), которые использовались в жаркое время года для приема гостей и отдыха. В пруду, окруженном цветущими деревьями, находились соединенные мостиками острова с искусственными горками. По окружающему усадьбу саду, между цветами и кустарниками, посаженными по строгому плану и гармонично дополнявшими друг друга, бежали ручьи.

Дом окружала неширокая крытая галерея. От внутренних помещений она отделялась деревянными решетками, опускавшимися на ночь и поднимавшимся днем. В главном здании, как правило, жил хозяин дома, а во флигелях и галереях – наложницы, прислуживающие им дамы и челядь.

Интерьер в домах всегда был очень изысканный. Все, начиная от одежды и кончая утварью, заказывалось у лучших мастеров, особенное внимание уделялось ширмам, занавесям и экранам, которые расписывали лучшие художники. Изображения сопровождались каллиграфическими надписями, чаще всего стихами.

Отшлифованные до блеска деревянные полы были застланы циновками, на них лежали плетеные круглые сиденья, стояли низкие скамеечки-подлокотники, лакированные столики, невысокие, инкрустированные перламутром шкафчики *дзуси*, в которых хранились музыкальные инструменты, шкатулки с гребнями и прочие необходимые предметы.

Обычно усадьбы строились достаточно большими, иначе трудно было бы разместить многочисленную челядь. Помимо усадьбы в столице аристократы владели обширными земельными поместьями в провинции, откуда получали доходы в виде риса, тканей и прочих натуральных продуктов.

Японское общество было построено по строгому иерархическому принципу. Ко двору императора были приближены не более двадцати аристократических семей, дальше шли менее знатные семьи, потом – провинциальная аристократия.

Местом, достойным проживания благородного человека, считалась только столица. Средоточием культуры и науки был императорский дворец. Именно там процветали искусства, проходили все главные празднества, и целью любого человека из благородной семьи было добиться высокого положения при дворе.

Систему государственного управления еще в VII–VIII веках заимствовали из Китая, и основывалась она на строгом иерархическом порядке подчинения младших старшим. Высшим органом власти являлся Государственный совет *Дайдзёкан*. Под его началом восемь ведомств выполняли различные функции по управлению страной.

Во всех ведомствах должностные места были строго регламентированы, занимаемой должности соответствовал определенный ранг. Чиновникам предписывалось носить одежду определенного цвета, соответствующего их рангу, украшать свой дом определенным образом, даже высота ворот в усадьбе определялась рангом хозяина.

Система **образования** в Японии была также целиком заимствована из Китая. Палата наук *Дайгакурё* – основное учебное заведение для детей знати – подчинялась Церемониальному ведомству *Сикибусё* и имела четыре отделения: китайская классика, история и словесность, юриспруденция и математика. Некоторые влиятельные семейства организовывали собственные школы или обучали детей дома, приглашая учителей из Палаты наук.

Вся система образования базировалась на конфуцианской философии. Юноши из аристократических семейств должны были наизусть учить основные произведения конфуцианских классиков и сочинения китайских историков, а для участия в дворцовых церемониях и празднествах – прекрасно знать китайскую поэзию и уметь слагать стихи на китайском языке. Также ценились каллиграфия, музыка и живопись, приветствовалось и владение японской стихотворной формой *вака*, но оно было необходимо скорее в частной жизни.

Умение слагать китайские стихи и искусно записывать их, играть на нескольких инструментах, расписать ширму или веер в китайском или японском стиле – все это необходимые условия для продвижения по служебной лестнице.

Специального религиозного образования аристократы не получали. Углубленное изучение философско-религиозных трактатов, как китайских, так и японских, было уделом монахов. Остальным

достаточно было знаний чисто практических, связанных с проведением тех или иных обрядов и служб. Тем не менее роль буддийских идей в формировании мировоззрения человека той эпохи весьма велика. Важной особенностью религиозной жизни хэйанской аристократии было слияние **буддизма** с древнейшими **японскими верованиями**, то есть с синтоизмом.

По древним представлениям, человек жил в мире, населенном множеством богов-духов *ками*. Каждый род имел своего бога-хранителя и собственное святилище, где совершались поклонения божественному предку. Умершие также становились духами, которые незримо присутствовали рядом с живыми и влияли на их жизнь. Японские *ками* считались не сверхъестественными, а активно действующими силами, и ритуалы *синто* были направлены главным образом на то, чтобы заручиться добрым отношением этих сил.

Распространение буддизма не нанесло ущерба авторитету основных синтоистских святилищ. В ознаменование всех важных событий – восшествие на престол нового императора, назначение императрицы, провозглашение наследного принца – в главные святилища Камо и Исэ отсылались гонцы с дарами, устраивались торжественные процессии и ритуальные представления. Многие годовые празднества были так или иначе связаны с культом синтоистских богов. Считалось, что основные боги синтоистского пантеона пекутся о насущных нуждах людей и не имеют власти над будущим, что облегчало включение их в буддийскую систему перерождений наравне с прочими смертными, нуждающимися в спасении.

Уже с VIII века начался процесс соединения синтоизма с буддизмом, в синтоистских святилищах читались сутры, а в буддийских храмах можно было молиться богам-защитникам. К концу X века в буддизме утвердились два основных направления. Одно называлось *Тэндай*, его основоположником в Японии стал Сайтё (767–822). Второе – *Сингон*, главой его был Кукай (Кобо-дайси, 774–835).

В основе учения *Тэндай* (Опора неба) лежала идея двойственной сущности Будды, который, с одной стороны, являет собой некое истинное, вечное начало, а с другой – находит конкретное воплощение в реально существующем мире. Цель человека – открыть в себе истинное. Были разработаны сложные практические приемы, ведущие к обретению истинного знания и достижению состояния Будды. Учение *Тэндай* в том виде, в котором оно существовало в X веке, делало акцент на возможности достижения состояния

Будды именно в этой жизни — как воздаяния за добрые дела. Монахи (словно бодхисаттвы, в мире живущие) призваны были не столько молиться о будущем, сколько удовлетворять повседневные потребности людей. Они исцеляли недуги, улучшали погодные условия, изгоняли злых духов. Соответственно была разработана обрядовая практика для самых различных случаев.

Обрядовая сторона учения *Тэндай* была связана с другим направлением буддизма — *Сингон*, которое на первый план выдвигало разработку сложной мистическо-заклинательной системы, призванной облегчить человеку путь к достижению единства с Буддой «Великое солнце» — *Дайнити* (санскр. *Махавайрочана*). Целью ритуалов *Сингон* было пробуждение в теле, речи и мыслях каждого человека тела, речи и мысли великого Будды *Дайнити*.

К концу X века большое влияние приобрело учение о Чистой земле (*Дзёдосю*), возникшее в рамках направления *Тэндай* и теоретически обоснованное монахом Гэнсином (942–1017) в трактате «*Одзёсю*» (Суть перерождений). Учение о Чистой земле исходило из отрицания этого мира как мира скверны и обещало индивидуальное спасение в будущем мире, достижимое для всех уповающих на будду Чистой земли (Западного рая) Амиду (Амитабха), который дал обет не достигать состояния Будды до тех пор, пока все люди, в этом мире живущие и на него уповающие, не смогут возродиться в Чистой земле (санскр. *Сукхавати*). В учении о Чистой земле привлекало прежде всего то, что с благополучия в настоящем акцент переносился на благополучие будущее, в результате чего менялось само ощущение времени: человек не просто всплывает на мгновение в вечно текущем потоке жизни, а проживает это мгновение, обращенный к «другому берегу» — Чистой земле. Необычайную популярность приобрела идея кармы, связывающая воедино три мира — прошедший, настоящий и будущий. В прошедшем совершённое отзывается на твоей настоящей судьбе и предопределяет будущее рождение.

Если поначалу учение о Чистой земле было популярным в среде ученых и аристократов средних слоев, то в XI веке оно стало распространяться и среди высшей знати. Причем характерно скорее эстетическое его осмысление, чем философское.

В окрестностях столицы было множество **монастырей**, куда приносились роскошные дары, созданные лучшими мастерами, свитки с буддийскими текстами, переписанные лучшими каллиграфами столицы. Каждое семейство имело своих монахов, их призывали в дом, когда того требовали обстоятельства.

Все, связанное с религией, было окружено пышными, очень красивыми церемониями и ритуалами. Посещения храмов и молебствия становились великолепными празднествами, на которые приглашались лучшие музыканты и танцоры. Неизменно во время этих праздников читались стихи. Внимание к внешней стороне ритуалов еще более способствовало развитию всех областей искусства.

Очень важное место в жизни двора занимали **празднества**, которые устраивались по разным поводам: по случаю посещения императором дома экс-императора или регента, возвращения императрицы во дворец из родительского дома, выезда на соколиную охоту или в честь каких-то частных событий, важных для обитателей той или иной усадьбы. К этим празднествам готовились очень тщательно: шили одежды, украшали кареты, подбирали свиту. Самым почетным считалось участие в церемонии в роли распорядителя, исполнителя танцев или музыканта, но этой чести удостаивались только избранные.

Многие празднества были связаны с обрядами и ритуалами, посвященными определенным этапам человеческой жизни. Поскольку жизнь японца подчинялась строгим правилам, то каждое событие его жизни должно было быть отмечено: после рождения ребенка свершались обряды перерезания пуповины, первого прикладывания к груди, первого купания и так далее.

Помимо празднеств и ритуалов, приуроченных к какому-то событию, в аристократических домах часто устраивались поэтические турниры, проводились различные игры и состязания. Многие из таких развлечений пришли в Японию из Китая.

Важную роль в обществе играли **гадальщики**. Без них не принималось ни одно мало-мальски важное решение. Было очень популярно учение *Оммёдо* (Темного и Светлого начал), в основе которого лежала заимствованная из Китая гадательно-заклинательная практика, сводившая все предметы и явления к определенным сочетаниям пяти стихий: вода, огонь, дерево, металл, земля – и двух животворных начал – инь и ян (яп. *он, ё*), взаимодействие и изменение которых определенным образом влияют на человеческий мир. При Ведомстве дворцовых служб было соответствующее управление, и служащие там гадальщики принимали участие во всех мероприятиях как буддийского, так и синтоистского характера.

УДК 821.521-3
ББК 84(5Япо)-44
П42

«Повесть о Гэндзи» (фрагменты) с иллюстрациями Хироаки Мияяма
Перевод с японского Т.Л. Соколовой-Делюсиной, печатается по изданию: «Повесть о Гэндзи».
СПб.: Гиперион, 2010

Авторы статей:

Т.Л. Соколова-Делюсина: «Мир «Повести о Гэндзи»» и «Мурасаки Сакибу – автор «Повести о Гэндзи»»,
Г.Б. Шишкина: «Снег, луна, цветы...» и «Художник рисует книгу», комментарии к гравюрам и главам
«Повести», Хироаки Мияяма: «История и сюжет», А.В. Мартынов: «Искусство Хироаки Мияяма»

П42 Повесть о Гэндзи (фрагменты) / Пер. с япон. Т.Л. Делюсина ; иллюстрации Хироаки Мияяма. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2024. – 320 с. : ил. – (БиблиоАрт).

ISBN 978-5-389-23071-2

Поэтичная, завораживающая «Повесть о Гэндзи» написана в самом начале XI века в Японии. Принц Гэндзи влюбляется, встречается с друзьями, взрослеет, и вот уже его дети ведут беседы о любви и складывают стихи. Удивительный мир японского общества и природы описан, скорее всего, придворной дамой по имени Мурасаки Сикибу. Благодаря своей наблюдательности и таланту, возвращаясь в высшем обществе Японии, она сохранила для нас моду, праздники и обычаи эпохи Хэйан; запечатлела тонкости мировосприятия и взаимоотношений между людьми.

Герои «Повести о Гэндзи» любят, страдают, слагают стихи, и это удивительным образом изобразил современный японский художник Хироаки Мияяма. Его уникальные гравюры к бессмертной «Повести о Гэндзи» — подлинное наслаждение для ценителей.

Гравюры иллюстрируют великое произведение в такой же мере, как и фрагменты «Повести» иллюстрируют и объясняют изображенное художником. Сочетаясь в пространстве одного издания, они составляют поистине прекрасный союз и великолепную книгу.

Комментарии ведущих отечественных искусствоведов придают книге дополнительную научную и культурную ценность.

Издание для досуга Бос уақытқа арналған басылым

«Повесть о Гэндзи» (фрагменты) с иллюстрациями Хироаки Мияяма

Перевод с японского Т.Л. Соколовой-Делюсиной

Руководитель проекта Ро О. С.

Принципиальный макет Куплевацкий В. Н. Дизайн Данильченко Н. В.

Редактор Николаева М. А. Менеджер проекта Маслова Т. Ю.

Корректоры Алексина В. П., Соколова Н. М. Верстка Лысова И. И.

© Хироаки Мияяма, иллюстрации, 2008. © ООО «Издательский дом «Гиперион», 2010.

© Шишкина Г. Б., комментарии, 2023.

© Издание на русском языке, оформление, статья. ООО «Издательская группа Азбука-Аттикус», 2024
КоЛибри*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.02.2024. Формат 84×108¹/₁₆. Гарнитура «Muller».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6. Тираж 3000 экз. О-LPI-32020-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака «КоЛибри» 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — «КоЛибри» тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55. E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үйі, лит. А Тел. (812) 327-04-55. Эл. поштаcы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Они же устанавливали благоприятные и неблагоприятные дни для тех или иных действий, предписывали воздержание или изменение местоположения при недугах, предупреждали о надвигающейся опасности и давали советы, как избежать ее. Гадальщиков, как и монахов, призывали во время болезни для изгнания злых духов и совершения очистительных обрядов. В моменты стихийных бедствий император прежде всего призывал к себе гадальщиков и астрологов, и они указывали ему, каким образом можно избежать разрушительного влияния стихий. День японца начинался с обращения к календарю. Смотрели, какие есть запреты, что благоприятно и что неблагоприятно в этот день.

Сложное переплетение буддийских идей с народными верованиями и элементами китайских гадательно-магических систем, характерное для эпохи Хэйан, легло в основу своеобразного национального мировоззрения и определило особенности дальнейшего развития всех областей духовной жизни страны.

При том, что в Японии мужчины играли основную роль в общественной жизни, влияние **женщин** на эту жизнь тоже было достаточно велико. Женщина имела четко очерченный круг обязанностей и возможностей. Женщина из аристократического семейства почти никому не показывалась, исключение составляли ее ближайшие прислужницы. Перед ней всегда стоял переносной занавес *китё*, скрывавший ее от посторонних глаз. Женщина почти никогда не покидала своего дома, да и внутри его мало передвигалась. Она могла лишь подойти к окружающей дом галерее и, скрытая занавесом или экраном, полюбоваться садом. Только в исключительных случаях женщины покидали дом: или уезжая на какое-нибудь значительное празднество, или совершая паломничество в храм. И то и другое обставлялось очень торжественно и происходило в окружении большой свиты.

Девочку из аристократической семьи рано и с особой тщательностью начинали готовить к браку, надеясь, что ее замужество позволит упрочить положение семейства. Иметь дочерей считалось счастьем, ведь дочь можно было пристроить наложницей к государю, и, если повезет, она могла стать даже матерью наследного принца, что делало положение семейства еще более прочным. Воспитанию дочерей уделялось особенное внимание, причем оно очень отличалось от воспитания сыновей. Если мужчине для того, чтобы занять в обществе достойное положение, необходимо было уметь писать

по-китайски и знать китайскую литературу, для женщины это не только не было обязательным, но даже считалось не совсем приличным. Девушка должна была прекрасно играть на японской цитре *кото*, рисовать, красиво писать, знать наизусть лучшие образцы японской поэзии, уметь складывать стихи. Последнее умение было едва ли не самым важным, ведь мужчина, практически лишенный возможности видеть женщину, судил о ней прежде всего по искусству слагать стихи, по красоте почерка. Классические японские пятистишия *вака* становились своеобразным посредником между женщиной и внешним миром, поэтому не случайно в эпоху Хэйан прославленные поэтессы считались совершенными красавицами.

Вообще внешность женщины как таковая почти ни на одном этапе любовных отношений не имела особого значения. На первых порах воображение мужчины воспламенялось изящной скорописью писем, утонченными стихами, намекающими на самые возвышенные чувства, а при более близком знакомстве – тихими звуками струн, случайно донесшимися до слуха откуда-то из внутренних покоев, или – как предел возможного – вдруг мелькнувшими сквозь занавеси или щели в ширме волнами черных волос и краешком платья.

В японских повестях эпохи Хэйан часто употребляется слово *каймами* (буквальный перевод: «взгляд сквозь щели изгороди», «подглядывание»). С этого «подглядывания», как правило, и начиналось сближение мужчины и женщины. Подглядывать можно было с улицы или из сада, если мужчина был в близких отношениях с хозяином дома. Внутри дома обычно царил тусклый полумрак, так что увидеть можно было только смутные очертания фигуры. Самым действенным способом завязать или продолжить знакомство с дамой было знакомство с ее прислужницей, которая выполняла роль посредницы между своей госпожой и внешним миром. Через нее мужчина мог передать избраннице письмо, и, если поклонник был сочтен достойным, та же прислужница вручала ему ответ. Дальнейшее общение строго регламентировалось: начиналось оно с обмена письмами, затем мужчина несколько раз наносил визиты своей избраннице, переговариваясь с ней через прислужницу, после чего следовал новый обмен письмами, и только после этого мужчина мог быть приглашен на галерею, примыкающую к тому помещению, где за двойным занавесом сидела его избранница, и мог поговорить с ней непосредственно.

Брак в эпоху Хэйан не считался чем-то постоянным, супруги редко жили вместе. Мужчина становился мужем после того, как про-

водил подряд три ночи в доме женщины и, вернувшись затемно в свой дом, отправлял возлюбленной гонца с письмом.

Потом, после совершения положенных обрядов, устраивалось пиршество, на котором происходило оглашение брака, так называемое *токоро-араваси* (буквальный перевод: «обнаружение места»). После чего мужчина обретал статус мужа и имел право приходить в дом жены открыто.

В эпоху Хэйан было распространено многобрачие, мужчина мог посещать дома разных женщин, одни из которых считались его женами, другие – тайными возлюбленными.

У императора обычно бывало несколько наложниц, которые выбирались из девушек, принадлежащих к самым благородным и влиятельным семействам.

В X веке в Японии завершается процесс формирования национальных традиций во всех областях культуры. Этому в значительной степени способствовала изоляция Японии от материковых влияний, которая началась в самом конце IX века и продолжалась в течение трех столетий. Замкнутые узкими рамками столичного мира, хэйанские аристократы, отталкиваясь от многовековых традиций материковой культуры, создали собственную неповторимую культуру, ставшую основой для культурного развития будущих поколений.

В это время достигла расцвета **музыка гагаку**, изначально заимствованная из Китая и Кореи, но испытавшая на себе немалое влияние японской народной музыкальной культуры. В **каллиграфии** и живописи наряду с китайским стилем *кара-э* возник и постепенно обретал все большую популярность японский стиль *ямато-э*, сложились японские живописные приемы. Возникли японские каллиграфические стили, было изобретено японское силлабическое письмо *кана*, которое сыграло большую роль в развитии японской литературы.

В X веке национальная **поэзия** почти уравнилась в своем значении с доминировавшей до того времени китайской поэзией. Ки-но Цураюки (868–945) и другие поэты подняли значение японского пятистишия *вака*, которое долгое время носило чисто «бытовой» характер. В императорском дворце стали проводиться состязания поэтов, пишущих *вака*. С конца X века появились трактаты, посвященные японской поэзии, формировались приемы собственно японской поэтики. Эталоном в поэзии тогда считалась антология

«Собрание старых и новых песен Ямато» (*Кокинвакасю*), составленная в начале X века. Ее учили наизусть, и старались пользоваться ее образами в своих стихотворениях.

На рубеже X и XI веков возникли и стали развиваться ведущие жанры японской прозы. В отличие от японской поэзии, которая к тому времени более или менее уравнилась в правах с китайской поэзией, проза на японском языке по-прежнему литературой не считалась, но эта периферийность как раз и способствовала ее свободному развитию. Интересно, что японская проза возникла и поддерживалась в основном в женской среде и создавалась для женщин.

В японских аристократических семействах одним из типично женских занятий было рассматривание свитков с картинками и чтение текстов к ним. Сначала тексты, равно как и картинки, были китайскими, они обычно не читались, а пересказывались прислужницами, но потом появились тексты и на японском языке. Возможно, именно так и возникали моногатари, то есть повести, которые стали неотъемлемой частью культуры эпохи Хэйан.

Моногатари — это рассказ о разных предметах и событиях. Позже моногатари стали делить на поэтические, исторические, документальные и сюжетные. Из повестей-моногатари, популярных в конце X века, до нас дошли только три: «Повесть о старике Такэтори», «Повесть о прекрасной Отикубо» и «Повесть о Дупле».

«Повесть о старике Такэтори» автор «Повести о Гэндзи» называет «прародительницей древних повестей», в основе этого произведения лежит китайская новелла. В «Повести о прекрасной Отикубо» изображается уже повседневная жизнь хэйанских аристократов, но, кто написал эту повесть, неизвестно.

На формирование сюжетных моногатари большое влияние оказали возникшие примерно в то же время дневники — *никки*. Первый дневник на японском языке «*Тоса-никки*» (Дневник из Тоса) был написан в 935 году мужчиной-поэтом Ки-но Цураюки и слишком явно соотносился с китайскими образцами того же жанра, но за ним последовал дневник «*Кагэро-никки*» (Дневник поденки), написанный в 974 году одной из лучших поэтесс X века, известной под именем матери Арицуна. Она, отступив от китайских традиций, предпочла создать безыскусное описание обыкновенной женской судьбы, ее радостей и печалей. В ее дневнике впервые прозвучала та трагическая нота, которая позже стала ведущей в женской прозе XI века, — сожаление о превратностях женской судьбы и о непрочности мира.

Мурасаки Сикибу – автор «Повести о Гэндзи»

Автором «Повести о Гэндзи» традиционно считают придворную даму императрицы Сёси – Мурасаки Сикибу. О ее жизни мало что известно, причем почти все, что известно, рассказано ею самой в «Собрании песен Мурасаки Сикибу» (*Мурасаки Сикибу касю*) и в «Дневнике Мурасаки Сикибу» (*Мурасаки Сикибу никки*).

Настоящие имена поэтов того времени не сохранились, все они известны под прозвищами. Мурасаки Сикибу – тоже прозвище, которое появилось уже после того, как была написана «Повесть о Гэндзи» и стала популярна героиня повести – юная Мурасаки. Слово *сикибу* связано с должностью ее отца, служившего в Церемониальном ведомстве *Сикибусё*. Во времена Хэйан, женщин принято было именовать по званию или должности кого-то из близких родственников мужского пола.

Считается, что Мурасаки Сикибу родилась в 978 году, но называют и более ранние даты. Ее отец Фудзивара Тамэтоки принадлежал к северной ветви известного рода Фудзивара, но почти никто из его предков не поднимался выше Четвертого ранга, и служили они большей частью в провинции.

Среди предков Мурасаки были и выдающиеся поэты. Ее прапрадед Канэсукэ, живший в 877–933 годах, входит в число тридцати шести бессмертных поэтов. Поэтами были дед и дядя Мурасаки.

Отец Мурасаки – Фудзивара Тамэтоки – известный ученый и поэт, был принят при дворе и уже в тридцать шесть лет получил должность в Церемониальном ведомстве *сикибу-но дзё* и звание *куродо*. Однако так сложилось, что он оказался втянутым в внутриклановую борьбу рода Фудзивара, что сильно повлияло и на его жизнь, и на жизнь его дочери.

О матери Мурасаки известно лишь то, что она была дочерью Фудзивара Тамэнобу и так же, как и ее муж, принадлежала к средней

чиновничьей аристократии. Считается, что она умерла, когда Мурасаки было еще очень мало лет. У Мурасаки, судя по всему, были две сестры и брат Нобунори.

Отец Мурасаки служил при дворе императора Кадзан, который был большим любителем поэзии, одаренным живописцем, знатком музыки и садового искусства, однако правил он меньше двух лет. В 986 году его вынудили отречься от престола и принять постриг в монастыре. На престол возвели шестилетнего императора Итидзё. Тамэтоки потерял должность, и в дальнейшем ему уже не удавалось занять высокое положение. Регентом при императоре Итидзё стал Фудзивара Канэиз, дочь которого стала супругой Итидзё, а после смерти Канэиз место регента перешло к его младшему сыну Митинага, и он оставался фактическим правителем Японии следующие тридцать лет. Вытеснив из дворца дочь Канэиз, императрицу Тэйси, Митинага сделал супругой императора свою дочь Сёси, при дворе которой позже и служила Мурасаки.

Мурасаки получила обычное для девочек ее круга образование — ее учили игре на кото, каллиграфии, стихосложению, умению одеваться и составлять ароматы. Известно, что она изучала еще и китайскую литературу, что для того времени было редкостью. В «Дневнике» она пишет, что справлялась с заданиями, которые никак не давались ее брату Нобунори, да так ловко, что их отец сожалел, что она не родилась мальчиком.

Юность Мурасаки выпала на то время, когда после отречения императора Кадзана положение семьи резко ухудшилось, к тому же в те годы столицу то и дело сотрясали стихийные бедствия и эпидемии, поэтому среди ее стихотворений того времени многие говорят о превратностях судьбы, о разлуке.

«У меня скончалась старшая сестра, а другая женщина потеряла младшую, и вот, случайно встретившись в пути, мы условились заменить друг другу ушедших. Мы обменивались письмами, надписывая их — “милой сестрице”, но по прошествии некоторого времени и она, и я вынуждены были уехать в далекие края и, лишенные возможности проститься, лишь в письмах сокрушались о разлуке...

Дикие гуси
На север спешат далекий.
Их крыльям доверь

Слова свои, пусть бесконечно
Строки писем бегут в облаках...»¹

Осенью 996 года Мурасаки с отцом уехала в первое свое путешествие в северную провинцию Этидзэн. Из столицы путь лежал через известную заставу на Горе встреч, по западному берегу озера Бива, по склонам горы Сиодзу. Этой поездке она посвятила цикл стихов:

«Однажды я услышала, как на каменистом морском берегу кричал журавль...

У моря в камнях
Журавль кричит одинокий,
Грустит, как и я.
О журавль, скажи мне, кого
Ты с такой тоской вспоминаешь?»

«Когда плыли по озеру в лодке, небо вдруг потемнело, засверкали молнии — похоже было, что вот-вот разразится гроза...

Тучи нависли,
Вздыбились волны дождю навстречу,
Дико взревели,
Лодка на них качается,
И сердце не знает покоя...»

Провинциальная жизнь не понравилась Мурасаки, она тосковала по столице и писала об этом стихи:

«Выпало так много снега, что невозможно было подойти к дому. Разгребая его, слуги сделали снежную гору. Дамы, забравшись на нее, стали звать: "Выйдите же и взгляните!"

Когда бы я знала,
Что по этой горе пролегает
Дорога в столицу,
Может быть, и на снег
Смотрела бы с радостью...»

¹ Здесь и далее фрагменты из «Домашней антологии» и «Дневника» Мурасаки Сикибу даны в переводе Т.Л. Соколовой-Делюсиной.

В 998 году Мурасаки вернулась в столицу и вступила в **брачный союз** с Фудзивара Нобутака, принадлежавшим к той же северной ветви рода Фудзивара, что и ее отец. Ему было около сорока пяти лет, и служил он правителем Тикудзэн. У него уже было несколько жен и детей. Судя по всему, Нобутака еще до отъезда семьи в Этидзэн поговаривал о брачном союзе с Мурасаки, но получил отказ. Живя в провинции, Мурасаки отвечала на его письма, как положено упрекая поклонника в непостоянстве и ветрености:

«Вот что я ответила человеку, который, закапав бумагу киноварью, требовал, чтобы я обратила внимание на цвет его слез:

На алые слезы
Смотреть не могу без досады:
Слишком ясно их цвет
Говорит о том, как изменчиво,
Как неверно сердце твое...»

Нобутака удалось все-таки уговорить Мурасаки стать его женой. Вскоре она родила дочь. Нобутака успешно продвигался по службе и часто принимал участие в дворцовых празднествах и церемониях.

Через год Нобутака скончался, и это стало тяжелым ударом для Мурасаки. Дом опустел. В своем «Дневнике» она пишет: «Два больших шкафа были до отказа набиты разнообразными книгами. В одном лежали собрания песен и свитки с повестями, которые давно уже превратились в чудовищные гнезда для расползшихся повсюду жучков. Отвратительное зрелище! Наверное, поэтому никто даже и не пытался открыть этот шкаф.

В другом были тщательно уложены китайские книги. С тех пор как их хозяина не стало, почти никто к ним не прикасался. Когда слишком тягостной становилась тоска, я вынимала эти книги – одну, другую – и читала их...»

Мурасаки несколько лет жила одиноко. Один человек искал союза с ней, но, судя по всему, Мурасаки его отвергла. Когда брат Мурасаки Нобунори получил должность младшего писаря *конайки*, для семьи наступило относительное благополучие, но Мурасаки по-прежнему тосковала и размышляла о превратностях судьбы:

«Сначала я сетовала, что все в моей жизни складывается не так, как хочется, но постепенно стала жить как все и даже находила в этом удовольствие. Подумав об этом, сложила: